

Ли Цунцин вернулся!

Эта новость волной разлеталась при дворе, один за другим все тайно шептались.

Раньше многие чиновники смотрели на Ли Цунцина с презрением, свысока. Кто бы мог подумать, что Сонный помощник министра может спать на подушках рядом с императором.

Под каким бы углом ни посмотреть, помощник министра обрядов не был мужчиной с выдающейся внешностью, которая могла бы привлечь и очаровать монарха. Император действительно просто одарил его своей благосклонностью. Все думали, что это было слишком фантастично, слишком непостижимо!

Императорский двор из-за этого дела был разделен на три фракции. Одна фракция одобряла. Другая была против. И еще одна не имела никакого мнения: пока император доволен — пусть так и будет.

Что действительно изумляло, так это то, что министр Сюй, ранее настроенный против Ли Цунцина больше всех, состоял во фракции, одобрявшей эти отношения, чем заставил отвиснуть челюсти у множества людей.

Человек был человеком — дела были делами. Ли Цунцина можно было бы назвать немного предприимчивой душой. Отныне министр Сюй говорил, что если он и виноват, то, можно считать, он подает хороший пример четкого разделения государственных и частных дел.

Все существа могут любить, все желают быть любимыми, все заслуживают счастья, заслуживают того, чтобы их поздравили. “Шаньцзай, шаньцзай”,* — сказал Великий наставник с улыбкой, произнося буддийские сутры о дзене бесконечности.

[П/п: *шаньцзай переводится как “хорошо” — слово, которое монахи произносили, чтобы выразить похвалу].

Каждый день, как и прежде, император прилежно вел утренние заседания. Как и прежде, каждый день Ли Цунцин все еще засыпал в большом зале аудиенций. Десять лет как один день.

Изменилось то, что теперь все издалека могли мельком увидеть, как пара рука об руку неторопливо прогуливается по императорскому саду. В осенний охотничий сезон, когда император даровал Ли Цунцину самый мягкий и нежный кусок мяса, никто больше не завидовал до красных глаз. Если Ли Цунцин напивался во время банкетов во дворце и опирался на императора, никто более не удивлялся и не считал это неуважительным поведением по отношению к монарху, как если бы это было по закону неба и принципу земли*.

[П/п: *"закон неба и принцип земли" — правильные и подходящие дела].

На тридцать втором году правления, когда император Дэджи отрекся от престола и помощник министра обрядов ушел в отставку, они, взявшись за руки, обошли горы и реки, неразлучно путешествовали вместе, объехав все уголки страны.

Ли Цунцин, который всю жизнь так и проработал помощником министра обрядов, дожил до шестидесяти девяти лет и скончался с миром в преклонном возрасте.

В следующем году последовал Сун Ю, ставший Тайшан Хуаном, он умер естественной смертью в возрасте семидесяти одного года.

Тайшан Хуан на смертном одре специально приказал, чтобы останки Ли Цунцина похоронили вместе с ним. Эта история стала историей, которая в Дашао передается из поколения в поколение.

Некоторые люди говорили, что Богиня-пион и Сын Небес написали вместе небесную книгу, в великом счастье продолжая свою predetermined любовь во веки веков даже в загробной жизни.

Они прожили жизнь без чрезвычайно возмущающей жадности, ненависти и гнева, им не нужно было поддерживать кровопролитные социальные перевороты, более того, не нужно было сожалеть о конечности существования и о смерти. Чувство, которое тихо текло, как крохотный ручеек, было подобно прекрасному распустившемуся цветку, оно скрашивало их жизни в этом слишком мирном и цветущем веке.

<http://bllate.org/book/15018/1327371>